

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2025.123.6.026

УДК 32

А.И. ПЕТРОПОЛЬСКИЙ

аспирант РГСУ,

Россия, г. Москва

E-mail: petropolsky@inbox.ru

МОДЕЛИ КОРПОРАТИВИЗМА, ГЛОБАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, СЕТЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ, СТЕЙКХОЛДЕРОВ И ИХ УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССЕ ВЫРАБОТКИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Введение: статья посвящена исследованию участия в процессе выработки государственной политики популярных на современном этапе развития государственно-предпринимательских отношений модели политического взаимодействия между государством и бизнесом (корпоративизм, глобальное регулирование, сетевое управление, стейкхолдеров).

Цель: выяснить степень участия негосударственных акторов (корпоративизм, глобальное регулирование, сетевое управление, стейкхолдеров) в процессе выработки государственной политики.

Задачи: охарактеризовать политические модели взаимоотношений между бизнесом и государством (корпоративизм, глобальное регулирование, сетевое управление, стейкхолдеров) и выявить черты моделей государственно-предпринимательского взаимодействия в наибольшей степени характеризующие отношения бизнеса и государства в России.

Методы: абстрагирование, дедукция, индукция, исследование, описание, обобщение, синтез, сравнение, систематизация.

Результаты: рассмотрены и в общих чертах раскрыты модели политических взаимоотношений между государством и бизнесом (корпоративизм, глобальное регулирование, сетевое управление, стейкхолдеров).

Выводы: в последние десятилетия бизнес играет все более важную роль в формировании политики как на национальном уровне, так и во всем мире. Как политические акторы компании используют лоббирование, финансирование кампаний, связи с общественностью и аналитические центры для отстаивания благоприятных результатов в сфере регулирования и законодательства

Ключевые слова: бизнес, малый, средний, участие, государство, политика, модель.

Введение. В более ранних публикациях мы говорили о том, что теория элит рассматривает бизнес, особенно крупные корпорации, как часть политической элиты, которая оказывает значительное влияние на политические решения. С помощью всех описанных ранее механизмов компании способны в значительной степени влиять на экономическую и регулятивную политику.

В этой статье целью нашего исследования является рассмотрение таких моделей как корпоративизм, глобальное регулирование, сетевое управление, стейкхолдеры в процессе выработки государственной политики.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 3; 4; 5; 7; 9; 12; 13; 15; 18; 21; 22].

Однако проблему политического взаимодействия между государством и бизнесом нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Корпоративизм (англ. «corporatism», в некоторых русскоязычных источниках используется также название «корпоратизм» [10]) – это политическая теория и модель управления, в которой структурированное сотрудничество между основными группами интересов – как правило, профсоюзами, деловыми организациями и правительством – играет формальную роль в процессе формирования политики. В отличие от плюралистических моделей, в которых группы интересов рассматриваются как независимые акторы, конкурирующие за влияние, корпоративизм структурирует взаимодействие через формализованные каналы, а государственные механизмы признают и организуют группы для совместного участия в управлении. Такой подход способствует выработке скоординированной политики в таких областях, как торговля, регулирование трудовых отношений и промышленные стандарты, направленной на гармонизацию отраслевых интересов и смягчение конфликтов посредством институционализированных консультаций [14].

Исторически наиболее известные теоретики корпоративизма, такие как Эмиль Дюркгейм [6] и Отто фон Гирке [28], подчеркивали важность общественных групп в поддержании социального порядка и баланса между конкурирующими интересами. Более современные ученые, в том числе Филипп К. Шмиттер [40. Р. 85-131], разработали «неокорпоративизм», изучая, как западные демократии после Второй мировой войны интегрировали организованные группы интересов в структуры управления. Неокорпоративистская теория рассматривает корпоративизм как стратегию поддержания экономической стабильности и социального мира путем формального вовлечения бизнеса и труда в экономическое регулирование, часто через политику, влияющую на заработную плату, торговлю и отраслевые стандарты [16].

На практике корпоративистские структуры встречаются во многих европейских странах, где представители профсоюзов, общественных организаций и бизнеса сотрудничают с правительствами – например, в таких областях

как правовое регулирование производственных отношений или установление заработной платы. Корпоративизм также применяется во всем мире, как, например, в Японии, где бизнес и правительство сотрудничают в области промышленной политики. Теоретически такие системы сотрудничества обеспечивают соответствие политики потребностям ключевых секторов экономики, уравновешивают потребности работодателей и работников и позволяют планировать политику на долгосрочную перспективу. Среди примеров корпоративизма называют также сотрудничество государства и бизнеса во время пандемии COVID-19 [34. Р. 83-100].

Однако корпоративизм сталкивается с критикой в связи с недостаточностью представительства. Поскольку корпоративистские структуры опираются на институционализированное участие, более мелкие или менее организованные группы интересов часто оказываются исключенными из процесса принятия политических решений, равно как и отдельные лица или сектора, не имеющие организованного представительства [24. Р. 425-439]. Критики также утверждают, что корпоративные механизмы могут благоприятствовать интересам крупного бизнеса, оказывая чрезмерное влияние на политику и оттесняя на второй план малый бизнес или менее влиятельные трудовые коллективы, что приводит к неравному представительству в политических решениях [25. Р. 967-994]. Корпоративизм также может быть основанием для принятия протекционистских решений – как, например, демонстрирует кейс-стади о покупке китайской корпорацией немецкой компании [39]. Эти недостатки вызывают опасения относительно последствий корпоративизма для демократической инклюзивности и равного представительства в процессе формирования политики.

Теория глобального управления (англ. Global Governance Theory, встречается мнение, что более корректное название – «глобальное регулирование» [17]) была разработана такими исследователями как Дж. Розенау [38. Р. 1-29], Д. Хелд [29], С. Стрейндж [42] и др. Теория предлагает основу для понимания того, как негосударственные организации (НГО), в частности транснациональные корпорации, формируют политику на международном уровне.

Выходя за рамки государствоцентричных подходов, эта теория подчеркивает, что транснациональные акторы – такие как корпорации, НГО и международные организации – играют важнейшую роль в создании и обеспечении соблюдения норм глобальной политики. Глобальное управление функционирует через сеть отношений и соглашений, выходящих за рамки национальных границ, что позволяет НГО оказывать значительное влияние на решение самых разных вопросов – от торговли и финансов до экологической политики.

Ярким примером является роль транснациональных корпораций в таких организациях, как Всемирная торговая организация (ВТО) и Международный валютный фонд (МВФ). Эти организации выступают в качестве форумов, на которых корпорации отстаивают политику, отвечающую их деловым интересам, например, защиту интеллектуальной собственности или дерегулированную торговую политику. Благодаря своим экономическим ресурсам транснациональные

корпорации часто получают привилегированный доступ к политикам в этих международных организациях, что позволяет им продвигать решения, соответствующие корпоративным целям, даже если они не всегда отвечают более широким общественным интересам. Следовательно, эти НГО могут эффективно формировать глобальные правила, которые влияют на национальную экономику и местные структуры управления, распространяя свое влияние далеко за пределы страны происхождения [30]. Есть также случаи, когда НГО обладают большей компетенцией и экспертизой, чем национальные правительства – например, в сфере развития искусственного интеллекта [44].

Теория глобального управления, однако, часто подвергается критике за присущие ей дисбаланс сил и ограниченную подотчетность. Богатые корпорации и развитые страны часто доминируют на международных политических платформах, что приводит к асимметрии в принятии решений, которая оттесняет на второй план голоса небольших государств и менее влиятельных НГО. Кроме того, поскольку системы глобального управления, как правило, не подлежат прямому демократическому контролю, возникают сомнения в легитимности и подотчетности решений, принимаемых в этих органах. Критики утверждают, что эти структуры рискуют усилить глобальное неравенство, отдавая предпочтение интересам корпораций и элиты перед интересами развивающихся стран и уязвимых групп населения, что ставит под сомнение идею справедливого и представительного глобального управления [37. Р. 1-18].

Сетевое управление (англ. «network governance») подчеркивает взаимосвязанные отношения между различными субъектами – как государственными, так и негосударственными – в формировании сетей сотрудничества, которые формируют и влияют на разработку политики. Вместо иерархической модели сетевое управление действует через децентрализованные и взаимозависимые структуры, где каждый участник вносит свой вклад в коллективное управление. Эта модель отражает сложность современных проблем, особенно в таких областях как экологическая политика, регулирование технологий и экономическое развитие, где государственные учреждения, корпорации и группы гражданского общества работают вместе в рамках динамичных политических сетей [46. Р. 12].

Сетевое управление тесно связано с такими теоретиками, как Ян Койман [32] и Р.А.В. Родс [36], которые исследуют, как многоакторные системы распределяют полномочия, обмениваются ресурсами и объединяют опыт для решения политических задач. Койман, в частности, концептуализировал сетевое управление как систему, в которой правительство является лишь одним из многих участников, вовлеченных в решение проблем. Родс расширил эту концепцию, рассмотрев, как сети выступают в качестве неформальных структур управления, формируя подвижные коалиции на основе общих интересов и целей. Сетевое управление позволяет бизнесу напрямую участвовать в форумах по выработке политики, налаживать государственно-частные партнерства и работать с НПО над стандартами и практиками, связанными с устойчивостью, трудовыми правами и экономическим развитием. Такой сетевой подход позволяет бизнесменам

влиять на разработку политики и одновременно добиваться легитимности за счет согласования с интересами государства и гражданского общества [2; 45].

Однако сетевое управление подвергается критике за потенциальное отсутствие прозрачности и подотчетности. Поскольку такие сети часто действуют неформально и вне традиционных правовых рамок, они могут обходить государственный надзор, что затрудняет отслеживание процессов принятия решений и динамики власти. Такая непрозрачность чревата тем, что непропорционально большое влияние оказывается на бизнес-структуры с большими ресурсами, которые могут доминировать в сетях за счет более мелких участников или маргинализированных групп. Кроме того, неформальный характер управления сетями может затруднить правоприменение и привести к несоответствию результатов политики [23. Р. 295-326].

Из современных теорий, исследующих участие НГО в формировании государственной политики, стоит отметить **теорию стейкхолдеров** (заинтересованных сторон). Данная теория подчеркивает взаимосвязь между бизнесом и его различными заинтересованными сторонами, включая сотрудников, клиентов, поставщиков, сообщества и инвесторов. Введена Р. Эдвардом Фрименом в его основополагающей работе «Стратегический менеджмент: A Stakeholder Approach» (1984) [27]. Теория утверждает, что компании должны учитывать интересы всех заинтересованных сторон, а не только акционеров, чтобы создать устойчивую, этичную и социально ответственную практику ведения бизнеса. Фримен переосмыслил традиционные корпоративные цели, предположив, что долгосрочный успех бизнеса зависит от ценности всех групп, на которые влияют действия компании или которые подвержены их влиянию.

Актуальность теории стейкхолдеров для изучения политических процессов заключается в ее всеохватывающем подходе к процессу принятию решений. Заинтересованные стороны часто обладают уникальными знаниями и ресурсами, что делает их участие необходимым для выработки политики, которая в большей степени отвечает потребностям общества и является устойчивой в долгосрочной перспективе. Такой подход согласуется с современными взглядами на корпоративную социальную ответственность (КСО), согласно которым компании должны вносить позитивный вклад в развитие общества путем решения проблем заинтересованных сторон по экологическим, социальным и управленческим вопросам (ESG). С этой точки зрения вовлечение стейкхолдеров в выработку политики выходит за рамки консультаций, позволяя этим группам оказывать реальное влияние на разработку и реализацию политики.

Несколько ведущих ученых развили основополагающие идеи Фримена, внеся значительный вклад в развитие теории. Томас Дональдсон и Ли Э. Престон подчеркнули этический аспект теории стейкхолдеров, утверждая, что моральные обязательства перед различными группами являются неотъемлемой частью корпоративной ответственности [26]. Митчелл, Агл и Вуд разработали модель, классифицирующую стейкхолдеров по их влиятельности и легитимности, что помогает компаниям определять приоритеты стратегического взаимодействия

с заинтересованными сторонами [35]. Благодаря этим разработкам теория стейкхолдеров заняла важное место в современном управлении, где бизнес и политики все больше признают преимущества интегрированных процессов принятия решений, ориентированных на заинтересованные стороны. Теория стейкхолдеров активно применяется в российских политологических [20] и экономических исследованиях [19].

Корпоративная социальная ответственность (КСО) также служит инструментом «мягкой» политики, когда компании принимают меры саморегулирования, влияющие на социальные и экологические стандарты. Поддерживая трудовые права и охрану окружающей среды в своей политике КСО, компании формируют глобальные цепочки поставок и отраслевые нормы, влияя на политику косвенно, без формального законодательного вмешательства [43. Р. 105-121]. Инициативы в области КСО становятся важным инструментом функционирования бизнеса в том числе и в России [8].

Кроме того, государственно-частное партнерство (ГЧП) является примером прямого сотрудничества между бизнесом и государством в формировании и реализации политики в области инфраструктуры, здравоохранения и образования. ГЧП часто хвалят за способность объединять ресурсы, опыт и технологии частного сектора для эффективного достижения целей государственной политики. Однако их эффективность в разных секторах неодинакова; например, ГЧП в развитии инфраструктуры успешно финансирует проекты, которые в противном случае было бы трудно финансировать, в то время как в здравоохранении и образовании они иногда сталкиваются с проблемами, связанными с обеспечением справедливости и подотчетности [11].

Подводя итог, можно отметить, что в последние десятилетия бизнес играет все более важную роль в формировании политики как на национальном уровне, так и во всем мире. Как политические акторы компании используют лоббирование, финансирование кампаний, связи с общественностью и аналитические центры для отстаивания благоприятных результатов в сфере регулирования и законодательства. Например, с помощью **лоббирования** компании напрямую взаимодействуют с политиками, формируя законодательство. Яркий пример – влияние крупных технологических корпораций, таких как Google и Facebook, на законы о конфиденциальности данных и цифровых прав [41. Р. 1-18]. Аналогичным образом, компании, добывающие ископаемое топливо, исторически формируют климатическую политику, поддерживая исследования и кампании, оспаривающие жесткие экологические нормы [33; 31. Р. 1-36].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Антропова Т.Г., Хайруллин М.Ф., Воробьев Д.И., Новосельский С.О., Атланов Д.А. Состояние и перспективы использования механизма государственно-частного партнерства для решения социально-экономических проблем // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 3.

2. **Блинова Е.А.** Особенности оценки публичной политики в условиях сетевого общества // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-otsenki-publichnoy-politiki-v-usloviyah-setevogo-obschestva>.
3. **Велигура В.М., Фомин Д.А., Григорян Д.К.** Правовое регулирование социально ответственного бизнеса // Вопросы политологии. 2025. № 2.
4. **Гавров С.Н., Мальченко Д.А.** Экономическая и социокультурная трансформация рынка труда: поколения Y и Z // Вопросы политологии. 2025. № 3.
5. **Двойнева Ю.К., Фомин Д.А., Григорян Д.К.** Социально-политическое инвестирование бизнес-структур в современной Российской Федерации: ключевые направления и государственные меры повышения эффективности // Вопросы политологии. 2025. № 1.
6. **Дюргейм Э.** О разделении общественного труда. М., 1996.
7. **Исакова Н.И., Фомин Д.А., Григорян Д.К.** Ответственность как элемент устойчивого развития: роль бизнес-структур в современном обществе // Вопросы политологии. 2025. № 3.
8. **Кожухова М.Т.** Тенденции, факторы и результаты трансформации современной модели корпоративной социальной ответственности бизнеса // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2024. № 1 (335).
9. **Ксенофонтова С.Б., Чернышева Л.А., Новосельский С.О., Семкин А.Д., Полянский А.А.** Реализация социальной политики как фактор стабилизации общественных процессов // Вопросы политологии. 2024. № 9.
10. **Максутов А.Б.** Корпоратизм: к постановке вопроса // Антиномии. 1999. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/korporatizm-k-postanovke-voprosa>.
11. **Махортов Е.А., Семченков А.С.** Государственно-частное партнерство // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2007.
12. **Морозова И.Г., Гранкин В.Ф., Грунина О.А., Золкин А.Л., Новосельский С.О.** Зарубежный опыт корпоративной социальной ответственности и возможности его применения // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 4.
13. **Никитин А.Ю.** Социологический подход к описанию взаимодействия политических и экономических акторов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 12.
14. **Павроз А.В.** Корпоративизм: истоки, эволюция, современное состояние // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2009. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativizm-istoki-evolyutsiya-sovremennoe-sostoyanie>.
15. **Рубан Л.С.** Россия в меняющейся геополитической и социально-экономической реальности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 3.

16. **Салмин А.М.** Неокорпоративизм в странах Запада // *Полития*. 2005. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/neokorporativizm-v-stranah-zapada>.
17. **Смакотина Н.Л., Егоренкова М.А.** Глобальное управление или глобальное регулирование? // *Социально-гуманитарные знания*. 2021. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-upravlenie-ili-globalnoe-regulirovanie>.
18. **Сороченко В.В., Варнакова Ю.Н., Свищев Д.Н.** Философия микроэлементного управления социально-экономическими процессами при формировании интегральной социальной среды // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2024. № 6.
19. **Хазуев А.И., Кузьминов А.Н., Димитриади Н.А.** Методика идентификации ключевых стейкхолдеров в цепочке создания ценности как инструмент разработки государственной политики // *Московский экономический журнал*. 2020.
20. **Чумак Е.В.** Стейкхолдеры как субъекты социоинженерного воздействия на практики мигрантов при реализации миграционной политики // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2021. № 4.
21. **Шефер А.А.** Социально-экономическая повестка в программах крупнейших левых партий России // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2024. № 11.
22. **Шлеенко А.В., Новосельский С.О., Петросян А.Д., Полянская О.А., Лёвкина В.С.** Социально-экономическая оценка развития рынка труда в условиях кризиса // *Евразийский Союз: вопросы международных отношений*. 2024. № 10.
23. **Agranoff Robert and Michael McGuire.** Big questions in public network management research // *Journal of public administration research and theory*. 2001. 11.3.
24. **Bondy A.S.** New labor actors under corporatism: Complementarity and the renewal of class representation for precarious workers // *Critical sociology*. 2021. 47.3.
25. **Di Carlo Donato.** Beyond neo-corporatism: state employers and the special-interest politics of public sector wage-setting // *Journal of European Public Policy*. 2023. 30.5.
26. **Donaldson T. & Preston L.E.** The Stakeholder Theory of the Corporation: Concepts, Evidence, and Implications. *Academy of Management Review*, 1995.
27. **Freeman R.E.** *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. Pitman, 1984.
28. **Gierke O. von.** *Political Theories of the Middle Age*. Cambridge University Press, 1900.
29. **Held David.** *Models of democracy*. Stanford University Press, 2006.
30. **Hofferberth M.** *Corporate Actors in Global Governance: Business as Usual or New Deal?* Lynne Rienner, 2019.
31. **Hummel K., Jobst D.** An overview of corporate sustainability reporting legislation in the European Union // *Accounting in Europe*. 2024.
32. **Kooiman J.** *Governing as Governance*. SAGE Publications, 2003.

33. **Leippold M., Sautner Z., Tingyu Y.** Corporate Climate Lobbying // Swiss Finance Institute Research Paper. 2024. No. 24-14.
34. **Meardi Guglielmo and Arianna Tassinari.** Crisis corporatism 2.0? The role of social dialogue in the pandemic crisis in Europe // European Review of Labour and Research. 2022. № 28.1.
35. **Mitchell R.K., Agle B.R. & Wood D.М.** Toward a Theory of Stakeholder Identification and Salience: Defining the Principle of Who and What Really Counts // Academy of Management Review. 1997.
36. **Rhodes R.A.W.** Understanding Governance: Policy Networks, Governance, Reflexivity and Accountability. Open University Press, 1997.
37. **Rodrik Dani.** Putting global governance in its place // The World Bank Research Observer. 2020. 35.1.
38. **Rosenau J.N.** Governance, order, and change in world politics // Governance Without Government: Order and Change in World Politics / Rosenau J., Czempiel, E.O. (eds). New York: Cambridge University Press, 1992.
39. **Schmalz Stefan, Lea Schneidmesser and Hui Xu.** An emerging ‘China-threat-corporatism’? CRRC’s acquisition of a German locomotive company and its impact on labour relations // European Journal of Industrial Relations. 2024. 09596801231226421.
40. **Schmitter P.C.** Still the Century of Corporatism? // The Review of Politics. 1974. № 36 (1).
41. **Sharon T., Gellert R.** Regulating Big Tech expansionism? Sphere transgressions and the limits of Europe’s digital regulatory strategy // Information, Communication & Society. 2023.
42. **Strange Susan.** The retreat of the state: The diffusion of power in the world economy. Vol. 121. Cambridge University Press, 1996.
43. **Tahniyath F., Elbanna S.** Corporate social responsibility (CSR) implementation: A review and a research agenda towards an integrative framework // Journal of Business Ethics. 2023. 183.1.
44. **Tallberg Jonas et al.** The global governance of artificial intelligence: Next steps for empirical and normative research // International Studies Review. 2023. 25.3.
45. **Van den Oord Steven et al.** Modes of network governance revisited: Assessing their prevalence, promises, and limitations in the literature // Public Administration Review. 2023. 83.6.
46. **Zwitter Andrej and Jilles Hazenberg.** Decentralized network governance: blockchain technology and the future of regulation // Frontiers in Blockchain. 2020. 3.

A.I. PETROPOLSKY

Graduate Student, Russian State Social University,
Moscow, Russia

MODELS OF CORPORATIVISM, GLOBAL REGULATION, NETWORK GOVERNANCE, STAKEHOLDERS, AND THEIR PARTICIPATION IN PUBLIC POLICY-MAKING

Introduction: *This article examines the participation of models of political interaction between the state and business (corporatism, global regulation, network governance, and stakeholders) popular at the current stage of public-entrepreneurial relations development in public policy-making.*

Objective: *To determine the degree of participation of non-state actors (corporatism, global regulation, network governance, and stakeholders) in public policy-making.*

Objectives: *To characterize political models of business-state relations (corporatism, global regulation, network governance, stakeholder-based) and identify the features of models of state-entrepreneurship interaction that most characterize business-state relations in Russia.*

Methods: *abstraction, deduction, induction, research, description, generalization, synthesis, comparison, and systematization.*

Results: *Models of political relations between the state and business (corporatism, global regulation, network governance, and stakeholder-based) are examined and outlined.*

Conclusions: *In recent decades, business has played an increasingly important role in policymaking both nationally and globally. As political actors, companies use lobbying, campaign finance, public relations, and think tanks to advocate for favorable regulatory and legislative outcomes.*

Key words: *business, small, medium, participation, state, policy, model.*